

А. Н. Соловьев

ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ В РОССИИ

В статье рассматриваются предпосылки формирования и развития коррупционных отношений в дореволюционной России и предпринимаемые государством попытки противодействия развитию мздоимства и коррупции в органах власти и управления.

Добровольное частное вознаграждение должностному лицу изначально имело безусловно легальный характер, однако в XIV-XV вв. оно стало «криминализироваться». Одно из первых законодательных ограничений коррупционных действий принадлежит Ивану Грозному, который впервые ввел смертную казнь в качестве наказания за чрезмерность во взятках. В Уложении 1649 г. впервые встречается классификация преступлений, выделяющая должностные преступления. Петром I в январе 1704 г. был издан Указ об организации Ижорской канцелярии рыбных ловель, в котором впервые введено наказание за сам факт принятия взятки. В законодательных актах Екатерины II, Александра I, Александра III и других государей предпринималась попытка борьбы с коррупцией фискальными органами, находившимися на финансовом обеспечении государства, и получавших солидное жалование. В царствование Николая I было принято Уложение 1845 г. «О наказаниях уголовных и исполнительных», которым предусматривалась уголовная ответственность за мздоимство, наказание за совершение которого выражалось в денежном взыскании, вдвое большем цены принятого. Кроме этого, указывались две формы получения взятки: взятка-благодарность и взятка-подкуп. За подкуп должностное лицо органов государственной власти и управления, кроме денежного взыскания, подвергалось еще и освобождению от должности. Развитие эти нормы получили в Указе Александра II, изданном в ноябре 1862 г. «Об изыскании причин и представлении средств к искоренению сей язвы». «Уложение о наказаниях» 1903 г. сформулировало определение должностного лица. Был введен такой квалифицирующий признак, как совершение преступления служащим. Этот феодально-крепостнический нормативно-правовой акт надолго пережил сам крепостной строй, и многие статьи этого Уложения действовали до 1917 года.

Ключевые слова: Россия, коррупция, взятка, посыл, история.

A. N. Solovyov

THE PRE-REVOLUTIONARY PERIOD OF THE STATE AND LEGAL FIGHT AGAINST CORRUPTION IN RUSSIA

The article considers the prerequisites for the creation and development of corrupt relations in pre-revolutionary Russia and the attempts made by the State to counter governmental and administrative bribery and corruption.

Voluntary private compensation for officials other than the person originally had certainly legal, however, in the XIV—XV centuries it became criminal. One of the first legislative restrictions corruption belongs to Ivan the terrible, who first introduced the death penalty as punishment for redundancy in bribes. In the code of 1649, the first time meets the classification of crimes that produce malfeasance. By Peter I in January 1704, issued a Decree on the organization of the Izhora office catching fish, which first introduced the punishment for the mere fact of taking bribes. In the legislation of Catherine II, Alexander I, Alexander III and other rulers attempted to fight corruption in fiscal bodies that were on the financial support of the state, and receiving a handsome salary. In the reign of Nicholas I was adopted the Code of 1845 «About punishments of criminal and Executive» which provides for criminal liability for bribery, the penalty for the Commission of which was expressed in a monetary penalty, twice more against the price received. In addition, indicated two forms of receiving a bribe: a bribe-thanks and bribe-bribery. For the bribery of officials of public authorities and management, in addition to monetary penalties, were subjected to and release from office. The development of these rules in the Decree of

Alexander II, issued in November 1862, «On finding the cause and providing the tools to eradicate this ulcer». «The penal code» 1903 formulated a definition officials. Was introduced qualifying attributes such as the Commission of a crime by the employee. This feudal serfdom legal act for a long time I've experienced a serf system, and many articles of this Law was in force until 1917.

Keywords: Russia, corruption, bribe, message, history.

Формирование и развитие коррупционных отношений в нашей стране имеет многовековую историю. Центральным элементом Российской истории коррупции является «посул» (с его разновидностями «поминками» и «почестью»).

Представляя собой добровольное частное вознаграждение должностному лицу, посул изначально имел безусловно легальный характер, однако в XIV—XV вв. он стал «криминализироваться». Так, одно из первых законодательных ограничений коррупционных действий принадлежит Ивану III, а Иван Грозный впервые ввел смертную казнь в качестве наказания за чрезмерность во взятках [1, с. 31].

Соответствующая норма была закреплена в так называемой Двинской уставной грамоте (Уставная грамота Василия I), в ст. 6 которой зафиксировано: «...самосуд то: кто изыскав татя с поличным, да отпустит, а себе посул возьмет, а наместники доведаются по заповеди, ино то самосуд, а опричь того самосуда нет» [2].

Позже данная норма была уточнена в новой редакции Псковской Судной грамоты, которая имела особую статью 48 «о посулах» [3, с. 181]. В итоге можно сказать, что процесс этой криминализации завершился принятием Судебника 1497 г., однозначно запрещающего получение посула: ст. 33 и 34 запрещают недельщикам брать посулы с тяжущихся для судей и лично для себя, ст. 68 говорит, что по всем городам и волостям Русского централизованного государства запрещено брать «посулы» [4].

В XVII в. в крупнейшем кодексе отечественного средневекового права — Уложении 1649 г. впервые приводится определенная классификация преступлений, выделяющая должностные преступления. Были выделены специальные подгруппы преступлений — государственные (политические) и против порядка управления. Собственно уголовные преступления можно подразделить на две подгруппы — должностные и против прав и жизни частных лиц.

Первую группу составляли преимущественно преступления должностных лиц судебных органов.

О них говорится главным образом в XXI, и отчасти в XXII гл. [5, с. 218]. Основной вид преступлений здесь составлял неправый суд за взятку или в результате пристрастного отношения к подсудимому по мотивам дружбы или вражды. Мотив о посуле как служебном преступлении является одним из доминирующих в Уложении в части приказного и воеводского управления и судопроизводства, свидетельствуя о процветании коррупции и произвола среди феодальной администрации. При неправом суде истцов иск обращался против судей любого звания, повинных в этом, причем в тройном размере. С них же взыскивались судебные пошлины, пересуд и правый десяток, которые шли в пользу казны. Судьи снимались с должностей, думные чины лишались чести, а недумные подвергались торговой казни. Аналогичные кары за те же преступления предусматривались и в отношении судей патриаршего двора, а также и на городских воевод и дьяков.

Определяя строгие меры для судей за посул и «неправое» решение дела, Уложение оставляло существенные законодательные пробелы. Если посул взят родственником судьи без его ведома, то судья не нес ответственности [5].

Наказывались и нерадивое отношение к судейским обязанностям, волокита, изменение текста судного списка при его переписке набело подъячим по собственному усмотрению или по велению дьяка, вынос судебного дела из приказа «для хитрости» и т. п. В случае пропажи дела при выносе его из приказа с дьяка взыскивались истцов иск и государевы пошлины, сверх того, дьяк и подъячий подвергались наказанию кнутом и устранились от должности. Закон предусматривал возможность окончательного оформления дела подъячим по велению дьяка, получившего посул, не в том виде, как было при судоговорении. За это назначалось суровое наказание: дьяку торговая казнь и лишение должности, а подъячему — отсечение руки. Наказывалось кнутом и неисправное ведение записи судебных дел и сбора судебных пошлин, а при рецидиве — торговая казнь и лишение должности.

В случае ложных обвинений в их адрес виновным назначалось «таковое же наказание, что указано дьяком и подъячим». То есть закон обеспечивал защиту судебных органов от «наветов» [6].

Во множестве нормативных актов второй половины XVII в. посул безоговорочно возбранялся. Характерно, однако, что запрет на получение посулов не сопровождался в XV—XVII вв. какими-либо санкциями [7].

С 1670-х гг., наряду с посулом, в российском законодательстве время от времени начал употребляться и термин «взятка». Как следует из сохранившихся в архивных собраниях многочисленных документов, взятка исходно означала частное вознаграждение должностному лицу, получение которого было сопряжено с вымогательством. Например, докладывая результаты служебной проверки, дьяк А. А. Курбатов писал в марте 1700 г. главе Оружейной палаты Ф. А. Головину, что подъячий Тихон Беляев «с клятвою говорил, что взятков... наглостию своею никаких не бирывал, а что, по давней обыкlosti... ему давали в почесть, то он принимал» [8]. Получение взятки неизменно воспрещалось (хотя поначалу также не угрожало виновному уголовным наказанием).

Таким образом, исторически сложившееся неоднозначное законодательное отношение к правовой оценке принятия посула привело к тому, что данное деяние стало в XVII в. *de facto* легальным явлением. Как убедительно показала Н. Ф. Демидова, нормативно не регламентированный посул прочно укоренился и в центральном [9], и в региональном звеньях аппарата управления, о чем не менее убедительно пишут Б. Дэвис и Г. П. Енин [10].

Рассматривая историко-правовые аспекты борьбы с коррупцией, нельзя обойти вниманием деятельность в этом направлении Петра I. Задавшись целью создать идеально устроенное «регулярное» государство, он не мог, конечно, оставить без внимания органически неприемлемую в таком государстве, разлагавшую чиновничество традицию «посульничества». И за искоренение «посульничества» царь решительно взялся как в законодательном, так и в организационном направлениях.

В январе 1704 г. был издан Указ об организации Ижорской канцелярии рыбных ловель. В этом нормативном акте законодатель не

ограничился стереотипным запретом на получение служащими взяток, а определил, что «за те взятки... учинена будет смертная казнь» [11]. Впервые в истории отечественного права уголовное наказание назначалось за сам факт принятия взятки.

Новая линия в законодательстве нашла продолжение чуть более года спустя, в Указе от 20 февраля 1705 г. Согласно п. 1 и 18 данного Указа смертная казнь грозила рекрутским наборщикам, в том числе и за ни с чем не сопряженное получение взяток [11]. Однако при всем том, что отмеченные Указы 1704 и 1705 гг. знаменовали собой резкий поворот в законодательстве, они носили локальный характер, распространяясь лишь на узкий круг должностных лиц.

23 августа 1713 г. состоялся именной Указ, затронувший многочисленных должностных лиц [11]. Наряду с традиционным предписанием командируемым исполнять свои обязанности «безпосульно» в Указе воспрещалось заниматься поборами с населения на собственное проживание и передвижение. В качестве единственной санкции определялась смертная казнь с конфискацией имущества.

Кроме этого Петр I ввел, наряду с получением взятки, уголовную ответственность за дачу взятки [12]. Указ гласил: «Для предотвращения впред подобных явлений велю как взявших деньги, так и давших положить на плаху, и от плахи подняв, бить кнутом без пощады и сослать на каторги в Азов с женами и детьми и объявить во все города, села и волости: кто сделает это впред, тому быть в смертной казни без пощады» [13, с. 591].

Не прошло и полутора лет, как 23 декабря 1714 г. Петр I подписал Указ, ставший, думается, наиболее радикальным нормативным актом по борьбе со взяточничеством за XV—XIX вв. — указ «О воспрещении взяток и посулов» [13]. В этом указе, под действие которого подпадали теперь уже все «без изъятия» должностные лица, запрещалось получение каких бы то ни было частных вознаграждений. Нарушение Указа грозило телесным наказанием с конфискацией имущества или смертной казнью [11]. Взятка и посул сливались отныне в единый, безоговорочно и жестко караемый состав преступления.

Параллельно с радикальным обновлением правового регулирования борьбы с коррупцией

Петр I предпринял и ряд не имевших к тому времени аналогов мер организационного характера. Прежде всего на борьбу со взяточничеством была нацелена созданная в 1711 г. фискальская служба. В утвержденном царем 17 марта 1714 г. базисном Законе «О фискалах, их должности и действии» в п. 2 специально оговаривалось, что представителям службы надлежит выявлять «всякие взятки...». Данная линия компетенции фискальской службы была подтверждена и в п. 8 Инструкции земским фискалам 1719 г. [15, с 101,102].

Другой мерой Петра I была попытка найти в борьбе с коррупцией поддержку населения. 23 октября 1713 г. появился именной Указ, призывавший извещать о должностных лицах, виновных в преступлениях против интересов службы (в том числе и о «грабителях народа» — взяточниках), непосредственно в верховную власть. В развитие норм данного Указа 11 июня 1715 г. состоялся еще один именной Указ, в котором регламентировался порядок заявления властям о получении взяток со стороны командированных на места должностных лиц. В Указе предписывалось «без всякого страха» сообщать о подобных фактах в письменной форме либо губернаторам, либо напрямую в Сенат [11]. Были предприняты небывалые для того времени меры по донесению информации о данном Указе до масс: он был опубликован типографским способом и разослан по регионам. Со всех правительственных служащих были отобраны подписки об ознакомлении с текстом указа. Ознакомлению с Указом впредь подлежали и все лица, принимаемые на государственную службу [17]. Губернаторы и провинциальные воеводы обязывались вывесить списки Указа от 25 августа в людных местах в городах и сельской местности, а также организовать зачитывание Указа вслух в приходских церквях каждое воскресенье после литургии [14].

Вместе с тем нельзя не отметить, что, пойдя на многие законодательные и организационные новации в борьбе с коррупцией, Петр I не возложил координацию этой борьбы на выделенный орган власти. Собственная же координирующая роль монарха уже не могла быть эффективной в условиях функционирования резко усложнившегося в первой четверти XVIII в. государственного механизма. Это обстоятельство наложило, конечно, негативный отпечаток на

правоприменительную практику.

Последующие правители также пытались бороться с коррупцией. В законодательных актах правительств Екатерины II, Александра I, Александра III и других государей предпринималась попытка борьбы с коррупцией фискальными органами, находившимися на финансовом обеспечении государства, и получавшими солидное жалование [15]. Однако уже в 1727 г. нехватка средств заставила правительство вернуться к прежней системе обеспечения, предусматривавшей работу канцелярских служащих в городах без жалованья с позволением «брать акциденцию от дел». Под иностранным словом «акциденция» узаконивался все тот же средневековый обычай кормиться приказным за счет населения. Монастырские расходные книги первой четверти XVIII в. позволяют сделать вывод, что во время деятельности указанных правителей, несмотря ни на какие меры, сохранялись почти без изменения подношения в канцеляриях деньгами и натурой «в почесть», кормление приказных обедом, плата за оформление дел и дача «посулов». Лишь в начале 60-х гг XVIII в. это правило было отменено [16, с. 229, 231].

Формирование системы управления по образцу западных абсолютистских монархий предполагало отход от ее содержания непосредственно за счет челобитчиков. В России XVII в., напротив, эти средневековые черты усиливались. Государственная власть переложила большую часть расходов по содержанию приказного аппарата на плечи населения. Эта особенность составляла одну из отличительных черт формирования аппарата управления российского самодержавия и одну из ключевых причин развития коррупции. Рост аппарата управления вызывался государственными потребностями, но само государство было не в состоянии его содержать. Результатом этого противоречивого процесса было появление в России чиновничества, которое, в отличие от бюрократии Нового времени, в значительной мере содержалось самим обществом. Как отмечает П. В. Седов, «почесть» и прочие виды кормления «от дел», стоящие у колыбели российского чиновничества, надолго определили лицо государственного аппарата, а глубоко укоренившиеся «посулы» остались в наследство

последующему времени [17, с. 213].

В последующий период до вступления на престол дома Романовых и на протяжении всего его царствования Россия была опутана коррупцией на всех уровнях власти. В частности, канцлер Бестужев-Рюмин получал за службу Российской империи 7 тысяч рублей в год, и, будучи «с потрохами» купленным англичанами, получал «за услуги британской короне» в качестве «агента влияния» — двенадцать тысяч в той же валюте [18].

Ужесточение карательных мер не приводило к снижению уровня коррупции, в связи с этим предпринимались попытки поиска новых подходов к борьбе с данным злом. Так, в царствование Николая I было принято Уложение 1845 г. «О наказаниях уголовных и исполнительных» [19], которым были привнесены существенные новшества в правовую систему борьбы с коррупцией. Так, в ст. 401 Уложения предусматривалась уголовная ответственность за мздоимство, наказание за совершение которого выражалось в денежном взыскании, вдвое большем против цены принятого. Кроме того, в данной статье указывались две формы получения взятки: взятка-благодарность и взятка-подкуп. За подкуп должностное лицо органов государственной власти и управления, кроме денежного взыскания, подвергалось еще и освобождению от должности.

Примерно в этот период развития отечественного права впервые начинают говорить о неправосудии — должностном преступлении, связанном с неправомерной деятельностью судебных органов. Субъектом данных преступлений выступал не только судья, но и всякое должностное лицо, которому вверено решение уголовного дела. В этой связи одним из неоднозначно толковавшихся аспектов был вопрос об уголовной ответственности присяжных заседателей. Однако в XIX в. в судебной практике не встречалось дел о привлечении присяжных заседателей к ответственности за неправосудие [20].

На этом этапе своего развития теория уголовного права выделяла два вида неправосудия — фактическое и юридическое. Первое состояло в признании или непризнании событий и фактов, т. е. вопросов, решавшихся судьями по внутреннему убеждению.

Признаки второго — юридического неправосудия, как отмечал Сенат, «определить, возможно, и они ясно выражены в ст. 366 Уложения» [20]. Данная статья признавала несправедливым то решение, которое принято судом в явное нарушение закона и положительного его смысла. «Что же касается до обязанности судьи, при исполнении которой закон предоставляет ему руководствоваться убеждением совести, то определить нарушение оной фактическими признаками не представляется возможным, т. к. убеждение судьи никакому контролю не подлежит и допустить проверку этого убеждения в уголовном порядке значило бы сделать невозможным исполнение судебных обязанностей. Поэтому закон не может преследовать судью, если решение его явно не противоречит положительному смыслу закона, и если судья, поставивший такое решение, действовал не по убеждению совести, а из корыстной цели, то он может подлежать преследованию как лихоимец, а не за неправосудие» [21].

Так, законодатель различал такие формы коррумпированного поведения судей, как «лихоимство» и «неправосудие».

Что следует отдельно отметить относительно эволюции правовой борьбы с коррупцией, в данной статье Уложения была включена норма, предусматривающая деятельное раскаяние должностного лица в совершенном преступлении, в случае которого оно по решению суда могло быть подвергнуто более мягкому наказанию.

Стоит отметить, что законодатель расширил способы получения взятки и уделил внимание различным способам зашифровки данного преступления. Кроме того, следует заметить, что в Уложении, как в одном из первых нормативных актов, законодатель выделил специальный субъект коррупционных составов — должностное лицо. Так, ст. 408 гласила: противозаконный сбор денег или чего-нибудь иного на подарки и угощения чиновников и других лиц, т. е. вышестоящего руководства со стороны должностных лиц волостного и сельского управлений, а также писарей и их помощников. Ст. 411 устанавливала: «Дача взятки крестьянином должностному лицу от имени общины». Ответственность за дачу не предусмотренного законом вознаграждения должностному лицу органов государственной власти и управления предусматривалась в трех статьях уложения (ст.

411, 412, и 413) [21, с. 64].

Но, несмотря на такие правовые новеллы, результативности в борьбе с коррупцией было немного. Об этом говорит Указ Александра II, изданный в ноябре 1862 г. «Об изыскании причин и представлении средств к искоренению сей язвы». Данный указ содержал в себе требование ответов на следующие вопросы: «1. В чем заключаются причины, по силе коих пагубное лихоимство или взятки в Империи не только существуют, но даже распространяются между теми самими, которые бы гнушаться ими и всемерно пресекать их должныствовали? 2. Достаточны ли существующие доселе законы о лихоимстве и не служат ли даже покровом лихоимцам, когда как приниматель и дающий равному подвергаются наказанию? 3. Какие вообще к истреблению язвы сей должно принять меры, дабы не могла она вредить ни правосудию, ни Государственному устройству, ниже скорому течению в отправлении дела?» [22 с. 80].

Созданный Сенатом специальный комитет по изучению этого явления обратил внимание на три основные причины его распространенности: несовершенство законов, низкую материальную и финансовую обеспеченность государственных служащих и несоразмерность преступлений и наказания [22].

До 1903 г. система уголовного судопроизводства пореформенного периода строилась на основе «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» [19], изданного в 1845 г., но по причине своей несовершенности редактировавшегося в 1857, 1866 и 1885 гг. [23, с. 310]. В результате этих множественных редакционных правок образовался нормативно-правовой документ, имеющий неструктурное построение, полный противоречий и нелогичностей, с отсутствием четкости и определенности санкций [23, с. 12]. На замену этому документу и в устранение его недостатков издается «Уголовное уложение» [24] 1903 г., куда были переписаны почти автоматически все нормы, касающиеся должностных преступлений, из последней редакции Уложения, изданного в 1885 г. Были учтены недостатки прежнего Уложения, сделаны соответствующие изменения, упрощающие структуру нормативного акта, сокращено количество статей. За счет этого Уложение 1903 г. выглядит прогрессивнее своего предшественника. В новом Уложении были четко

разграничены Общая и Особенная части. В Общей части давались такие понятия, как преступление, умысел, неосторожность, приготовление, покушение, соучастие. В Уложении давалось следующее определение преступления: «Деяние, воспрещенное законом во время его учинения, под страхом его наказания». Принцип, присутствовавший в прежнем Уложении и позволявший суду заполнять закон в случаях пробелов в праве, отвергался: «Нет преступления, нет наказания без указания на то в законе». Особенная часть Уложения состояла из 36 глав, большинство которых включали нормы, предусматривающие ответственность за религиозные, государственные, должностные преступления [25].

Что касается непосредственно борьбы со взяточничеством и коррупцией, то здесь следует отметить тот факт, что Уложение 1903 г. формулирует определение должностного лица. Был введен такой квалифицирующий признак, как совершение преступления служащим: «Учинение служащим преступного деяния или служебного проступка» (ст. 656, 657) [24].

Господствующие верхи считали «Уложение о наказаниях» одним из наиболее «удачных» кодексов России. Этот феодально-крепостнический нормативно-правовой акт надолго пережил сам крепостной строй, и многие статьи этого Уложения действовали до 1917 г. [26, с. 35].

Подводя итог дореволюционному периоду государственно-правовой борьбы с коррупцией, хотелось бы осветить совсем уж одиозный пример воровства и коррупции, в которых тонула Россия. Так, петербургский градоначальник Н. Клейгельс умудрился украсть даже речной трамвай, ходивший по Неве, который с этого момента стал ходить по озеру, принадлежавшему помещику Клейгельсу. А после назначения Клейгельса украинским генерал-губернатором все убранство и мебель киевского дворца столь же благополучно перекочевали в его собственную помещичью усадьбу. Покровительствовавший Клейгельсу Николай II, узнав о «проделках» своего протеже, только развел руками и сказал: «Уж если в России так воруют, значит, мы не бедные... у нас есть что воровать!» [27, с. 472].

Список библиографических ссылок

1. Гладких В. И. Коррупция в России: генезис, детерминанты и пути преодоления // Рос. следователь. 2001. № 3.
2. Грамоты Великого Новгорода и Пскова // Акты археографической экспедиции Академии наук. Т. 1. № 13.
3. Российское законодательство X—XX веков. М., 1985.
4. Судебники XV—XVI вв. М., 1952.
5. Маньков А. Г. Уложение 1649 года. Кодекс феодального права России: моногр. Ленинград, 1980.
6. Томсинов В. А. Соборное уложение 1649 года как памятник русской юриспруденции // Соборное уложение 1649 года. Законодательство царя Алексея Михайловича / сост., автор предисл. и вступ. ст. В. А. Томсинов. М., 2011. С. 1—51.
7. Серов Д. О. Противодействие взяточничеству в России: опыт Петра I (законодательные, правоприменительные и организационные аспекты) // Уголовное право. 2004. № 4. С. 2—4.
8. Российский государственный архив древних актов. Ф. 160. 1700 г. № 3. Л. 1.
9. Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 141—145.
10. Davies B. The Politics of Give and Take: Kormlenie as Service Renumeration and Generalized Exange, 1488—1726 // Culture and Identity in Muscovy, 1359—1584. М., 1997. Р. 49—61; Енин Г. П. Воеводское кормление в России в XVII веке (Содержание населением уезда государственного органа власти). СПб., 2000. С. 49—90.
11. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб., 1830. Т. 4. С. 52, 89, 135, 136, 240, 292, 295, 778.
12. Робинович Н. О. О наказуемости взяточничества и лиходеательства // Право. 1916.
13. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 14. Кн. 7.
14. Российский государственный архив древних актов, Ф. 248. Кн. 1885. Л. 155 об.—156. Кн. 1886. Л. 124 об.
15. Анисимов Е. В. Россия без Петра. СПб., 1914.
16. Анисимов Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997.
17. Седов П. В. «На посуле, как на стуле». Из истории российского чиновничества XVII в. // Звезда. 1998 г. № 4.
18. Россия и коррупция: кто кого? / Г. А. Сатаров [и др.] // Рос. газ. 1998. 19 февр.
19. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1845. Ст. 394.
20. Законодательство периода становления абсолютизма. Т. 4. С. 386, 387.
21. Волженкин Б. В. Ответственность за взяточничество по российскому уголовному законодательству второй половины XIX — начала XX вв. // Правоведение. 1991. № 2.
22. Кувалдин В. П. Как русские цари боролись с лихоимством // Чистые руки. 1999. №1.
23. Таганцев Н. С. Уголовное уложение 22 марта 1903 г.: Статьи, введенные в действие. СПб., 1911.
24. Есипов В. В. Уголовное уложение 1903 года, его характер и содержание. Варшава, 1903.
25. Балыбин В. А. К истории Уголовного уложения 1903 г. // Экономика, философия, право. 1977. № 11.
26. Российское уголовное право. Общая часть / под ред. В. С. Комиссарова. СПб., 2005.
27. Кузовков Ю. В. Мировая история коррупции. М., 2010. Кн. 3.